

Гедрюс Мацкявичюс, режиссер, хореограф, танцовщик, драматург, педагог и художественный руководитель единственного в своем роде театра, стал первым в мире постановщиком, который отважился на сценическое решение "Песни песней" (премьера состоялась недавно на сцене Московского ТЮЗа). Трагическая любовь царя Соломона к простой девушке "из виноградника" трактуется режиссером как величайшее духовное свершение, проявляющее все лучшее, что есть в человеке и что делает его Личностью. Идею этого спектакля Гедрюс вынашивал долгие годы. Одновременно создавал уникальные спектакли на сюжеты произведе-

Все вершители наших судеб борются за власть, за свою эгоистическую значимость, которая ни на йоту не приносит значимости духовной для общества.

ний литературы и живописи, в том числе "Сонеты Шекспира", "Преодоление", "Красный конь", "Желтый звук", покораившие зрителей возвышенной одухотворенностью, изысканной пластикой, красочностью. С успехом гастролировал во многих странах.

Нынешний театр Мацкявичюса "Октаэдр" уже второй, созданный им. "Октаэдр" - значит восьмигранник и указывает на разносторонность творческих устремлений художественного руководителя и его труппы. Как и на широкий спектр образования Гедрюса, полученного в Вильнюсском университете, в школах танца, пантомимы, пластики и режиссуры Литвы, Латвии и Москвы, где он учился в ГИТИСе по классу прекрасного педагога Марии Кнебель.

- Вы, Гедрюс, - литовец. Что, помимо профессиональных интересов, побудило вас покинуть родину и поселиться в Москве?

- Существовать в духовном или физическом пространстве, сжатом какими-то условными рамками, я не могу. Это и явилось одной из основных причин моего отъезда из Литвы. Я был в конфликте с литовцами. Я не понимал их. Для них русский человек - "плохой" человек, оккупант. Но почему? Давайте судить о человеке по сути - что он собой представляет, как мыслит, каковы его намерения и так далее.

Здесь, в Москве, я постоянно говорю всем, что литовец - не самое лучшее, что создано природой. Исторические, географические и иные условия сформировали в нем известный эгоцентризм, расчетливость, замкнутость. Литовцев, которые пребывают в других психологических измерениях, очень мало. И поэтому я чрезвычайно критически отношусь к себе как к литовцу. Мне намного интереснее выходить за границы национального самосознания в общечеловеческое, не забывая при этом о своих литовских корнях. В Литве я родился, получил воспитание, окончил школу. Поэтому, что бы о ней я ни говорил, она мне очень симпатична, красива своей природой, своим молодечеством, сглаженностью бытия. Там много Бога и он всюду - в каждой сосне.

К сожалению, в России этого нет. В России - другое. И знаете что? Чувственное начало! Без которого русский человек - не русский. Когда приехал в Россию - случилось это лет двадцать назад, - меня буквально захлестнул океан чувственности, огромный до неправдоподобия. Сначала он даже пугал, но теперь не могу без этого жить. Как и без самой России. Среди других черт русского народа хотелось бы отметить его восприимчивость, готовность следовать образцам, привнесенным извне.

Но здесь происходит странный парадокс. Восприимчивость как будто бы должна рождать провинциализм, потому что она все время оглядывается, впитывает, впитывает, не генерируя ничего своего. Однако Россия - не провинция.

Провинция - это вся Европа, кроме Франции. Китай - не провинция. Токио - не провинция. Нью-Йорк - не провинция. В мире, как мне представляется, только пять городов не провинциальных. И в их числе - Москва. Потому что она умеет генерировать "первый продукт". Хорошо ли, плохо ли - другой вопрос. Но то, что она делает, делает всегда по-своему, и ей, простите, наплевать, как на это смотрят, допустим, в Лондоне.

- В Москве вы пришли к идее создания вашего первого театра, который назывался ансамблем пластики и движений и был основан в 73-м году...

- В жизни я несколько раз отказывался заниматься движением, пластикой, танцем. Что не помешало мне, однако, целых пять лет проработать в Вильнюсе артистом пантомимы и танца. Однажды я сказал себе: ты взрослый мужик, занимайся драматическим театром. Это солидно, и это интересно. И поехал в Москву учиться на режиссера.

это я не в состоянии забыть. Мои бывшие зрители при встрече со мной рассказывают мне о моих спектаклях, восстают на меня, хотя для меня они уже далекое прошлое.

Почему я постоянно говорю об интеллигенции, которая любила мои спектакли? Потому что ей была необходима какая-то отдушину, какая-то искренность. И я пытался поддерживать свою жизнь на уровне этой искренности. И что еще спасало - бессловесный театр. Ничего на сцене не сказано, и это можно толковать по-разному. Мне говорят те же чиновники - это так, а я возражаю - ничего подобного. Если вы так прочли

- значит вы сами так думаете. А я плоды вашей фантазии в спектакль не закладывал. Жест всегда многопланов и однозначной трактовке не поддается.

Ставил я однажды "Двенадцать" Блока. В финале идут красногвардейцы, впереди - Христос. Я его трактовал как революционную идею, которая ведет этих людей. Метель, пурга, они загораживаются как бы от нее, а на самом деле - от идеи. В финале вообще останавливаются, застывают. Идея терпит полный крах. Когда чиновники говорили мне - ваши красногвардейцы защищаются не от пурги, а от революции, я возражал: как вы смогли такое увидеть? Вы что, не знаете петербургской зимы? Обычные

кой, которую я выбираю сам. В "Песне песней", например, это музыка Альфреда Шнитке, Анатолиуса Шендероваса, Питера Габриэля, "Пинк фloyd".

- Как я понимаю, новый театр "Октаэдр" - для вас еще один шаг в неизведанное?

- Мне захотелось заняться разными видами театрального искусства. Балетом, драмой, оперой, опереттой, пантомимой, пластикой, эстрадой, цирком - в рамках одного театра. Всего восемь видов. При разных труппах. Я могу, конечно, собрать их, но для этого нужны деньги. Рассчитываем на сборы в гастрольных поездках. Нам помогает акционерное общество "РосШтерн".

- А дотации от государства?

- О чем вы говорите? Какое государство? Оно только пинало меня. Во все времена.

- Вы обращались за поддержкой к государству?

- Вначале по наивности - да. Я был

Гедрюс Мацкявичюс

Медведь. - (1993, - сент. (N 36), - с. 13,

климатические условия, вот люди от снега и загордились.

Начале бюстители идеологии не очень серьезно относились к этому, потом мало-помалу начали кое-что понимать, а еще лет через десять - диктовать. И когда я выпустил спектакль "И дольше века длится день" по Чингизу Айтматову, то его просто закрыли. Я вывел там бедное казахское село, людей, оставшихся без ног после войны. Айтматов сам об этом писал. Какая там может быть культура? Нет, видите ли. Должен быть зажиточный казахский народ, к тому же прилично одетый.

- Какие спектакли той поры определили ваше творческое кредо?

- Они составили триптих. Это спектакли "Преодоление" - по мотивам Микеланджело, "Красный конь" - в основу которого была положена живопись Дега, Тулуз-Лотрека, Мунка,

Петрова-Водкина, Николая Рериха, Гутузо, Фалька, и наконец, третий - "Сонеты Шекспира", не нуждающийся в пояснении. За них мне более или менее не стыдно. Был "зайонский" спектакль, который мы играли раз пятьсот, - "Звезда и смерть Хоакина Мурреты". Он постоянно проходил на "ура". Это - революционный романтизм, молодость, драматическая любовь. На сцене - скачки, убийства, коллизии, понятные для всех. Ну, а для меня - хороший, конечно, материал, но банальный, общепринятый. А триптих - спектакли, которые формировали мое духовное и эстетическое сознание. Последняя моя постановка "Песнь песней" входит четвертой в этот цикл.

- И все-таки вы не сказали, какие импульсы побудили вас создать театр именно пластики и движений?

- Так сотворила меня природа. Мне интересней, когда человек молчит. Вот сейчас я, говорящий, предельно неинтересен, потому что определен. Более или менее чувствен, более или менее эмоционален, более или менее разумен. Когда же молчу, за мной можно предположить многочисленные психологические варианты, я дарю собеседнику надежду и повод для анализа, размышлений и понимания. Однако сцена требует специальных, специфических коммуникаций со зрительным залом. Средства? Это, безусловно, движение, пластика, танец. Но не вербальное общение.

- А музыка, которая в ваших спектаклях является одним из важных компонентов?

- Да, и музыка. Я всегда прошу актеров быть на уровне композиторского мышления. Тем более, что мои спектакли оформляются только хорошей музы-

просто полон иллюзорной надеждой, ходил ко всяким чинушам, до ЦК и Совмина добрался. Потом наступил момент прозрения: никто и никогда мне не поможет. Никто и никогда. Раньше это вызвало печаль, теперь - понимание того, что рассчитывать можно только на самого себя.

- Значит, и теперь ничего не изменилось?

- Тогда театру вообще не давали возможности дышать, а сейчас уже мне, извините, наплевать на государственные затеи и интриги. Я нашёл фирму, она поддерживает меня материально, и я могу нормально существовать. А если еще и сам заработаю деньги - большого счастья и не надо. И не нужно мне никакое правительство.

- Влияют ли текущие политические события на ваше творческое самочувствие?

- Абсолютно нет! Политики - взрослые люди - занимаются эгоцентризмом. Почему этим должен заниматься и я?

То же, кстати, и в искусстве. Что и отвращает меня от традиционного театра. Вот, например. Кармен. Женщина, не обремененная серьезными нравами. Хосе. Не очень умный, хотя и искренний. К тому же эгоист до мозга костей. У них между собой что-то не ладится, а я - зрелый мужик - должен влезать в это. Зачем? Идите на кухню и разберитесь между собой.

А в политической жизни? Прикрываясь высокими постами и званиями, все вершители наших судеб борются за власть, за свою эгоистическую значимость, которая ни на йоту не приносит значимости духовной для общества. Зато приносит им личное наслаждение: квартиру, дачу, вкусную еду, обеспеченные детям и отдых себе - где-нибудь в Майами или в другом месте. Ну чего ради я должен вникать в их примитивные житейские проблемы?

- Вы как-то зависимы в творческом отношении от акционерного общества "РосШтерн", которое субсидирует вас?

- Ни в какой. Для меня это великое счастье, которое в моей жизни случилось, правда, не раз. Я могу сказать массу искренних слов благодарности в адрес "РосШтерна", его президента Владимира Давыдовича Штернфельда и вице-президента Аллы Николаевны Балицкой. Их бескорыстная помощь и понимание ошеломляют меня. В "РосШтерне" театр столкнулся с определенным материальным и духовным уровнем, когда для людей совершенно естественно без лишнего слов и показухи помогать российской культуре. На будущее мы заключили с ними договор, согласно которому будем не только принимать от них финансовые субсидии, но и выплачивать наш долг с вырочки от предстоящих гастролей. В сентябре, например, едем с концертными номерами в Южную Корею.

А осенью, дай Бог, сможем обосноваться в собственном - пока, увы, только репетиционном - помещении на Беговой, его обустройством сейчас и занимаемся.

Беседу вел
Герард КИМЕЛИС.

Сцены
из
спектаклей
"Песнь
песней"
и
"И дольше
века
длится
день"

